

**В Диссертационный совет МГУ.051.4
Московского государственного
университета
Имени М.В. Ломоносова**

Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14,
4-й учебный корпус, юридический факультет,
ауд. 536А

Отзыв

на автореферат диссертации А.С. Кульнева «Свобода слова в современном обществе: конституционно-правовая теория и судебная практика»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

«Греция подала в суд на Adidas из-за рекламы, в которой кроссовок "пинает" Акрополь. Это видео с шоу дронов сильно оскорбило жителей страны. Министр культуры Греции Лина Мендони заявила, что использование столь важного символа демократии в рекламе обуви было неприемлемо».

(Из одного Телеграм-канала. 20.05.2025)

Об **актуальности** темы лучше автора диссертации трудно сказать. Он сделал это очень емко и точно. Можно лишь немного развить его мысли. Ни Миллю, ни братьям Аксаковым, ни их современникам в голову не могло прийти, что когда-нибудь проблема свободы слова будет касаться едва ли не каждого из живущих на Земле, а не только политиков и журналистов. Начиная с конца XX века, мир, что называется, прорвало. Человечество разговорилось! И ладно бы просто разговорилось. Но ведь свою картину мира стали презентовать и малограмотные, и глупые, и злые, и мизантропы, и социопаты. И как со всем этим быть?.. Так что можно лишь приветствовать появление диссертации, где не просто описывается сущее, но дается оценка тем или иным моделям правового регулирования свободы слова.

Думаю, любой оппонент радуется, когда ему приходится давать отзыв на квалифицированный текст. Автореферат диссертации А.С. Кульнева – именно тот случай. Уже само название диссертации говорит о том, что автор мыслит и широко, и глубоко. Конечно, бывает, что за многозначительным и фундаментально звучащим названием скрывается довольно примитивный текст. Но это совершенно не относится к рецензируемому автореферату. И дело не только в *содержании* – в глубоком погружении в тему, можно сказать, в философию свободы слова, но еще и в *форме*: логика построения текста, хороший литературный язык свидетельствуют о высокой писательской культуре, чего не хватает многим исследователям.

Весьма продуманная **структура** работы, которая полностью соответствует ее названию. Правда, пришлось напрячься, чтобы оценить ее, т.к. в автореферате диссертант не приводит названия глав.

Фундаментальности темы соответствует **круг источников**, используемых автором. Хотя автореферат не дает полного представления, об этом круге можно судить по косвенным признакам. Впрочем, один упрек можно сделать: диссертант не упомянул такого известного специалиста по данной тематике – М.А. Федотова (неважно, что он больше пишет о свободе печати).

Впечатляет и **список публикаций** самого диссертанта. Не столько количеством, сколько названиями статей, в которых отражается важное свойство соискателя: он старается ставить фундаментальные проблемы. Причем все статьи (некоторые мне довелось читать) опубликованы в известных и авторитетных журналах, пользующихся популярностью у конституционалистов.

Лично меня привлекает то, что автор не робеет перед некоторыми устоявшимися (или считающиеся таковыми) позициями и целыми теориями. К примеру, он критикует ставший весьма популярным метод пропорциональности (с. 31). Правда, он, упрекает данный метод лишь за то, что благодаря ему появляются как бы новые права, смыслом которых является ограничение свободы слова. Мой же основной упрек в адрес пропорциональности в том, что этот метод, по сути, оправдывает мировоззренческий субъективизм судей.

К сожалению, *не все положения были мне понятны*. Возможно, из-за того, что автор просто перенес некоторые тезисы из диссертации, т.е. не учел, что автореферат будет читать человек, скорее всего, не знакомый с диссертацией. Приведу лишь один пример (с. 24): *«Теория свободы слова должна обращать внимание на те соображения, которые имеют шансы сработать в патологические политические периоды, когда общество испытывает значительное напряжение. Представляется, что индивидуалистические доводы о моральной легитимности не всегда справляются с этим»*. Если члены диссертационного совета скажут, что поняли, о чем речь, значит рецензент должен залиться краской стыда. Собственно, я фактически уже перешел к замечаниям.

1. Не могу сказать, что мне близка общая позиция автора. А.С. Кульнев – приверженец минимизации ограничений. Чувствуется, что он сторонник американского судебного подхода к ограничениям, т.е. к широкому пониманию Первой поправки. Кстати, думаю, стоило бы более четко определить здесь авторскую позицию и, в частности, напрямую сравнить этот подход с немецким. Но продолжу. На с. 4 он пишет: *«Вполне нормально относиться к цензуре равнодушно и даже немного поддерживать её, если ограничиваются взгляды, которые мы не приемлем. Свобода слова заставляет идти наперекор этому инстинкту»*. А на с. 18 призывает отвергнуть то, что именует *«цензорскими основаниями регулирования»*, поскольку *«меры, принятые на цензорских*

основаниях, видят вред в значении высказывания: они обращаются к последствиям убеждения, нематериальным последствиям, а также гипотетическим отдалённым последствиям». Конечно, тут высказаны две разные мысли. Но они связаны друг с другом.

Разумеется, если речь идет только о несогласии с высказанным мнением, вывод автора верен. В противном случае бессмысленно говорить о демократическом и правовом государстве. Но как быть, если высказанное в рамках свободы слова мнение бросает вызов общепринятым в данной культуре моральным нормам (т.е. имеет те самые «нематериальные последствия»)? А ведь мораль, нравственность – это тоже конституционная ценность. Апелляция к морали встречается во многих современных конституциях (обычно в связи с описанием рамок свободного усмотрения). Например, Основной закон ФРГ упоминает о «нравственном законе» как ограничителе права на свободное развитие своей личности; Конституция Индии – о разумных ограничениях «в интересах приличия и морали»; Конституция Японии – об «опасности для морали» как об одном из условий закрытого судебного разбирательства; Конституция Италии – о «моральном равенстве супругов»; Конституция Кипра – о «морально позорящем проступке» как препятствии для выдвижения кандидатуры на посты Президента и Вице-президента страны; Конституция Бельгии – об «уважении нравственной неприкосновенности» ребенка; Конституция Бразилии – об «уважении моральной неприкосновенности» заключенных; а Конституция Таиланда в качестве ограничительного условия прав и свобод человека упоминает даже о «высокой нравственности». Понятие «нравственность» («мораль») встречается и в основных международно-правовых актах о правах человека: во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в [Европейской] Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., где о нравственности упоминается целых восемь раз.

Между тем, отрицание морального критерия при оценке осуществления тех или иных прав и свобод давно уже стало юридическим мейнстримом. Современное европейское, по сути – мировое, право родилось на основе христианской морали. Отрицая свой «генотип», право перерождается в нечто иное. Секулярное восприятие свободы и прав человека исключает встроенные в них христианские моральные ограничители (я их называю естественными пределами прав). Это выражается, среди прочего, в имморализме права. Его сторонники (прежде всего, либертарианцы), вроде бы выступая не против нравственности как системы регулирования, а только против «контактов» морали и права, на самом деле обосновывают «новые стандарты» допустимого. Что ж, тогда не стоит удивляться тому, что всё больше людей голосуют на выборах за тех, кого называют популистами. Ведь один из их главных тезисов – как раз защита моральных ценностей. Я.-В. Мюллер определяет популизм как «особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту

и внутреннюю однородность <...> народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам». Казалось бы, за исключением тезиса о «внутренней однородности народа», чего тут опасаться? Тем не менее, популизм опасен для конституционализма. Как отмечает тот же Мюллер, «помимо того что популисты выступают против элит, они также *противники плюрализма*», а «оказавшись у кормила, они *не признают никакой законной оппозиции*». Трагизм ситуации как раз в том, что тему морали оседлали противники конституционализма, а те, кто выступает за демократические ценности, не склонны считаться с христианскими ограничителями морали.

Помимо высказанного выше аргумента в пользу учета нематериальных последствий, можно сказать и о том, что бывают, так сказать, пограничные ситуации, когда материальный вред не наступил, но мог бы наступить. Такой «классический» либерал, как Джон Стюарт Милль, между прочим, писал: «Никто не требует, чтобы поступки были столь же свободны, как мысли. Наоборот, даже мысль теряет свою неприкосновенность, если при некоторых обстоятельствах *может побудить* к дурному поступку. Заявления, что из-за торговцев хлебом бедняки голодают или что собственность – это кража, могут быть напечатаны, но справедливо *подлежат наказанию, если высказаны перед возбужденной толпой у дома торговца*». Замечу, Милль говорит не о том, что возбужденная толпа после слов оратора пошла громить дом хлеботорговца, а только о том, что высказаны провоцирующие слова, которые недопустимы при данных обстоятельствах.

Наконец, нельзя забывать, что материальные последствия могут наступить далеко не сразу после высказанной позиции. Конечно, после одного высказывания они могут и не наступить, а вот, регулярная, массовая вербализация идей, возбуждающих ненависть, наверняка приведет к насилию со стороны людей с неустойчивой психикой.

Возможно, впрочем, я неправильно понял автора.

2. На с. 13-14 диссертант пишет: «*Негативная теория свободы слова рассматривает в качестве основания её конституционной защиты недоверие государству в регулировании высказываний. Последнее склонно быть чрезмерным и неэффективным, поскольку оно чаще всего руководствуется не рациональными соображениями о предотвращении реальных негативных последствий высказываний, а нетерпимостью и своекорыстными интересами законодателей и правоприменителей*».

Но, во-первых, слово «неэффективное» здесь излишне. При ограничении прав государство как раз может быть весьма эффективным. Другое дело, что иногда вопреки конституционности. Во-вторых, лично мне претит убеждение в том, что «законодателям и правоприменителям» чуть ли не имманентны нетерпимость и своекорыстие. И, в-третьих, «законодателями и правоприменителями» не ограничивается понятие «государство». Есть еще судебная власть. Понятно, что имеется в виду *правовая* государственность. Тогда

независимая судебная власть как раз обязана и, главное, способна выступать защитником свободы.

3. В положении 4 (с. 16) А.С. Кульнев не согласен с позицией, что все «высказывания должны соответствовать сущностным требованиям, подразумеваемым конституцией. Такой подход учёных и судов предполагает отказ от **идеологического нейтралитета** государства, расширение возможностей государства вмешиваться в дискурс, а также попадание дискурса в Интернет под строгие стандарты, применявшиеся ранее лишь к профессиональным СМИ». Разумеется, идеологическая нейтральность государства должна соблюдаться. Но конституционализм – это не идеология, поэтому защита конституционных ценностей не есть нарушение идеологической нейтральности государства. Это опять же к вопросу о защите общественной нравственности.

4. С. 6-7. Говоря о периоде 1950-80-х годов, автор пишет: «Возможности российских юристов по защите свободы слова и её изучению в эти годы были, очевидно, весьма ограничены». Очень странно, что автор создает фигуру умолчания. Речь идет о **советском периоде**, и об этом прямо нужно писать. И тогда корректнее говорить не о российских, а о советских юристах, и не об «ограниченных возможностях по защите свободы слова и её изучению», а об отсутствии этих возможностей ввиду отсутствия самой свободы слова в тоталитарном государстве. Причем, фактически даже нормативного отсутствия. Ведь провозглашая свободы слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций ст. 125 Конституции СССР 1936 г. и ст. 50 Конституции 1977 г. оговаривали, что они гарантируются лишь «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» (в 1977 г. «трудящиеся» заменены на «народ» и добавлено слово «развитие»).

Как почти любая научная работа, рецензируемый автореферат также не лишен и редакционных погрешностей. Однако о них нет смысла говорить в настоящем отзыве. Завершу его общим выводом.

Несмотря на высказанные замечания, которые являются, однако, не указанием на ошибки, а научным спором, автореферат диссертации А.С. Кульнева (логично предположить, что и сама диссертация) «Свобода слова в современном обществе: конституционно-правовая теория и судебная практика» заслуживает высокой оценки. Работа является оригинальным научным исследованием, вносящим вклад в изучение в науку конституционного права, прежде всего в теорию ограничений прав личности.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что исследование Кульнева Александра Сергеевича «Свобода слова в современном обществе: конституционно-правовая теория и судебная практика» по своей актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости соответствует специальности 5.1.2. –

«публично-правовые (государственно-правовые) науки» и требованиям, определенным в пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, а также оформлено согласно положениям №№ 5 и 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кульнев Александр Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. – «публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Отзыв подготовлен:

доктор юридических наук,
ординарный профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

2 июня 2025 г.

Михаил Александрович Краснов

Подпись Краснова М.А.
заверено
Зам. директора ВШЭ
Алексеева

